

Звуки и слова – это как указатели.

В некоторые моменты, получив такой указатель, Нань И вдруг извлекал из огромного свитка воспоминаний давно забытые фрагменты. Например, сейчас он внезапно вспомнил, почему у него пропало желание делиться своими переживаниями.

Это произошло в первый раз, когда он столкнулся с травлей. Под настойчивыми вопросами учителя он не выдержал и рассказал все о своих глазах, но в ответ услышал лишь легкомысленное:

- Не думай об этом. Страдания, которые мы переживаем, – это подарок, который делает нас сильнее и крепче.

Учитель, правда ли это?

Должен ли человек в процессе взросления получать подарки, которые, кажущиеся красивыми снаружи, внутри кишат червями? Должен ли он каждую ночь видеть кошмары, полные крови? Должен ли он терпеть оскорбления, изоляцию и побои? Должен ли он смиренно класть эти страдания на алтарь, кланяться им и благодарить за то, что они превратили его в твердую, но пустую внутри статую?

Нет.

Я силен не из-за страданий, а потому что я сам по себе силен.

Он ненавидел все попытки приукрасить страдания. Это было не что иное, как высокомерная жалость счастливых к несчастным, самоуверенные наставления и самообман.

Действительно ли все проходит? Боль – нет, ненависть – нет. Прощение не может успокоить его сердце. Только если другой почувствует такую же боль, как он, это возможно.

Воспоминания – это самые уродливые шрамы на человеке, их нельзя просто так стереть.

Нань И прекрасно это понимал, поэтому перестал делиться, перестал надеяться, что кто-то сможет поддержать его в слабости и беспомощности. Жить, как человек без слабостей, тоже неплохо.

Но сейчас Цинь Юнь стоял перед ним, не просто поддерживая его, не утешая, не пытаясь скрыть или заставить забыть и принять все это.

Он переосмысливал.

Он сказал, что это действительно не подарок от небес, и ты можешь ненавидеть, это нормально.

Но твои глаза – это подарок для меня.

С улыбкой он забрал у Нань И тот самый страшный ящик из детства, аккуратно и бережно завязал развязавшиеся ленты, а когда открыл его, оттуда выпорхнули яркие бабочки.

Как так?

Он не понимал, никак не мог понять.

Как это может быть из-за меня?

Он до сих пор помнит, как Цинь Юнь впервые появился перед всеми с этой татуировкой – в темном концерт-клубе, с гитарой за спиной, рука на стойке микрофона, он был ослепителен, весь свет был для него.

Когда фанаты в зале закричали: «У тебя новая татуировка!», его улыбка была ярче света. Голос, усиленный микрофоном и динамиками, был слышен каждому.

– Да. Это моя любимая татуировка на данный момент.

Любовь?

Какое абстрактное, непонятное слово. Стоит только добавить этот роскошный акцент, как все становится особенным, вызывающим зависть.

Особенно когда это исходит от Цинь Юня, сумасшедшего, который, казалось, любит только себя.

Поэтому после того концерта все, кто его любил, начали безумно искать ответы. Каждая улика, каждая подсказка изучалась под микроскопом, чтобы сложить воедино историю, стоящую за этой татуировкой.

В итоге появилось множество версий.

Например: он сделал это для семьи, для матери; или в честь успешного выступления группы на фестивале; кто-то даже говорил, что это для басиста «Уголка хаоса» Сюй Си, потому что незадолго до этого, накануне Анайи, у Сюй Си был день рождения.

Были всевозможные ответы, а значит, не было правильного.

В то время Нань И не участвовал в этих бессмысленных поисках, просто равнодушно просматривал догадки в сети и отвергал их. Он думал только о самом значении этого слова, о той книге, которую Цинь Юнь читал еще в старшей школе.

Значит, эта татуировка, скорее всего, была в память о каком-то важном, ярком моменте его жизни.

Каким именно, он не знал и считал, что ему не нужно знать. Все, что он сделал той ночью, – это добавил слово в свой внутренний план и дал ему собственное объяснение.

[Sternstunde

Цинь Юнь добровольно встанет рядом со мной и присоединится к моей команде.

Когда этот день настанет, это станет названием моей группы.]

Эти слова давно стали мишенью, которую он пробил насквозь. Но сейчас, из-за одной фразы Цинь Юня, они были разобраны и переосмыслены.

И даже та статуя, в которой нельзя было найти ни одной слабости, дала трещину.

Этого не может быть.

До конца этого лета он хорошо скрывался. Когда Цинь Юнь его видел? И видел его глаза?

Не было никаких зацепок.

Нань И инстинктивно хотел отрицать все это, но только нахмурился, как Цинь Юнь голосом прервал его сомнения.

- На том фестивале в Анайе ты был там, ты стоял в зале и смотрел на меня, да?

Верно.

Как и всегда, я прогулял уроки ради тебя, поехал из Ганчэна в Анайю, терпел головокружение в автобусе, стоял под дождем весь день, чтобы увидеть твоё шестнадцатиминутное выступление.

Но там было так много людей, я был среди тысяч тех, кто тебя любит, это было идеальное место, чтобы спрятаться. Как он мог меня увидеть?

- Ты потом нашел свою кепку? - голос Цинь Юня был очень тихим. - Ее унесло ветром, да?

Нань И полностью замер.

Нет.

Она исчезла.

Когда он уходил из той толпы, он чувствовал себя таким одиноким, будто потерял не только кепку, но и половину сердца. Сидя в шатком автобусе, удаляясь от береговой линии, от сцены на пляже, он отдалялся и от Цинь Юня на сцене.

Ломка была сильной, он слушал музыку в наушниках, не моргая смотрел на удаляющуюся дорогу, пока глаза не начали болеть.

Если бы он знал, что Цинь Юнь его видел, возможно, он не чувствовал бы себя так плохо после концерта.

Оказывается, мне не нужно быть на виду, чтобы Цинь Юнь меня заметил.

Он снова стал тем маленьким мальчиком, временно лишенным способности говорить, не издавая ни звука.

Да, это был я.

Нань И мог только стоять и смотреть на него.

Тонкое, но сильное лицо, плотно сжатые губы, глаза, красные от боли, полные осколков, как лезвие, воткнутое в землю, слегка дрожащее и сверкающее холодным светом.

Почти так же, как и тогда, при том мимолетном взгляде. Только теперь между ними не было толпы, они были так близко, и рука этого человека сейчас касалась его горла.

Цинь Юнь почувствовал горечь, боясь, что Нань И убежит, он крепко сжал его руку.

- Тебе не нужно говорить, я знаю, что это ты. Знаешь, почему я потом позволил тебе играть на

гитаре у меня дома? Потому что я узнал тебя и сдался.

- В тот день на фестивале, когда я был на сцене, вокруг было так много людей, шел сильный дождь, все лица были размыты, но я сразу увидел тебя. Странно, да? Я тогда тоже не понимал, но просто чувствовал... что должен запомнить этот момент. У тебя было такое?

Нань И нахмурился, моргнул и с трудом произнес:

- Было...

Я запоминал это через дыры, пробитые в плоти.

Хотя Чжиян уже ушел, Цинь Июнь продолжал говорить тихо, и его голос дрожал. Чем больше он говорил, тем ближе подходил, и Нань И был окутан его запахом.

- Тогда... подумай о том, что ты хотел запомнить. Это должно быть что-то очень ценное для тебя, то, что ты не хочешь забыть, да? - Цинь Июнь почти шептал ему.

Под его наводящими вопросами Нань И кивнул.

- Сейчас я чувствую то же самое, - Цинь Июнь смотрел на него, в глазах горели мягкие, но яркие огоньки.

Мне так нравятся твои глаза.

Зрачки Нань И снова стали влажными, но взгляд оставался упрямым, полным вооруженного сопротивления.

Но в глазах Цинь Июня он был просто ребенком.

Огромный импульс толкал его вперед, но он не знал, что именно хотел сделать - обнять?

Всегда бунтующий Цинь Июнь впервые позволил желанию вести себя и обнял человека перед ним.

Это объятие полностью выходило за рамки ожиданий Нань И.

Человек, который всегда одержимо контролировал каждую ситуацию, теперь позволил себя обнять, и это не вызвало у него раздражения. Наоборот, он чувствовал что-то странное, будто что-то внутри него пыталось вырваться наружу.

Это было совсем не то, что объятие в ночном саду.

Руки Цинь Июня сжимали его так крепко, что кости упирались друг в друга, а сердца почти сталкивались. Его травмированная левая рука обхватила его спину, ладонь прижалась к выступающему позвонку на шее, заставляя Нань И наклонить голову, нос уткнулся в шею Цинь Июня.

Он был так близко к тому знаку, который принадлежал ему, стоило лишь слегка повернуть голову, и нос коснулся бы его. При этой мысли Нань И весь загорелся, сердце бешено заколотилось, под кожей будто горел огонь.

Нань И задыхался. Человек, который вот-вот задохнется, не может думать, мозгу не хватает кислорода. Разум затуманился, и он, управляемый тем невидимым существом, вырвавшимся из

груди, повернул голову, нос коснулся нового участка кожи, беспорядочно потираясь о него.

От буквы Е до буквы D.

Для него это было огромным нарушением границ, а для Цинь Июня?

Нань И не знал, возможно, он даже не заметит. С чувством обреченности он подумал, что, может быть, ему повезет.

Но реальность была иной. Тот, кто сам предложил объятие, был еще более растерян и взволнован.

Цинь Июнь совершенно не понимал, что делает, просто очень хотел этого.

Но когда он действительно обнял это тело, крепко прижал его к себе, жадно вдыхая его аромат, чувствуя теплое дыхание на своей коже, он вдруг осознал, что этот импульс был не просто желанием обнять.

Он... очень хотел поцеловать этого человека.

Осознав это, сердце Цинь Июня сильно ударило в груди. Он сам испугался.

Он словно очнулся от сна и понял, что совершил нечто совершенно абсурдное. И слова, которые он произнес, и его действия – все это было будто сделано кем-то другим, его тело будто контролировал кто-то посторонний.

Но кто этот человек? Кто еще, если не он сам?

Тот, кто скрывался глубже – дерзкий, хаотичный, играющий с миром, полный любопытства ко всему. И одновременно – стабильный, одержимый, легко проникающий в суть вещей. Две умные души, слившиеся воедино, породили искру желания, и обе были очарованы ею, но ни одна не могла понять, что это такое.

Нос Нань И коснулся татуировки на шее Цинь Июня, а губы Цинь Июня скользнули по мягким волосам на макушке. Прежде чем пламя разгорелось сильнее, он остановился.

- Спасибо тебе.

Нань И, который всегда любил останавливаться, тяжело дышал, вырвавшись из объятий. Он пытался успокоить свое бурлящее сердце, поднял голову и в пустом мозгу искал подходящие слова.

- Я...

Что я? Я понял, что ты имел в виду? Я поверил, что ты сделал эту татуировку для меня?

Я больше не могу так продолжать.

- Я немного удивлен.

Он солгал и впервые почувствовал неловкость за свою ложь.

Нань И не ожидал, что однажды он не будет знать, куда деть руки. Он выглядел как не очень умный робот, неловко повернулся на пол-оборота, затем немного в сторону, не глядя на лицо

Цинь Июня, и тихо объяснил:

- Уже поздно, я сначала пойду в душ.

И когда он закрыл дверь ванной, Цинь Июнь, застывший на месте, вдруг присел на корточки и схватился за голову.

Боже, что я вообще делаю?

Впервые он почувствовал панику и беспомощность. Все знания, теории и опыт, накопленные за более чем двадцать лет, оказались бесполезны. В его голове не было ни одной логической цепочки, чтобы проанализировать это странное поведение.

Его эмоции, запоздалые и запутанные, сейчас были как клубок ниток, который чем больше тянешь, тем сложнее найти конец, а внутри него билось бешено колотящееся сердце.

Спасите.

Цинь Июнь провел всю ночь в бесконечных размышлениях. От того, что сидел на полу, до того, как встал и лег в кровать, ворочаясь и не смыкая глаз, ни на секунду не останавливаясь, но ни одна мысль не была полезной.

Он смотрел на спину Нань И, которая была повернута к нему, закрывал глаза, открывал, и в голове снова и снова всплывало ощущение, как Нань И терся носом о его шею. Затем все его тело начинало гореть, даже сильнее, чем во время болезни. Даже слух стал острее, чем обычно. В пять тридцать утра он услышал шум за дверью и сразу встал, открыл дверь спальни.

И столкнулся взглядом с Янь Цзи, который собирался уйти из общежития с сумкой для тренировок.

- Подожди меня, я тоже пойду.

Янь Цзи был крайне удивлен и ущипнул себя за руку.

Он подумал, что, возможно, еще не проснулся и все это ему снится.

Даже во время тренировки в спортзале он не мог понять, откуда у Цинь Июня, которого обычно невозможно разбудить, сегодня взялись силы и энергия, будто он купил дешевый абонемент и теперь должен попробовать все тренажеры, чтобы не прогадать.

Когда они вышли из душа в спортзале, Янь Цзи не выдержал и спросил:

- Что с тобой?

- Да, что со мной? - Цинь Июнь схватил Янь Цзи за руку. - Я очень, очень, очень странно себя чувствую.

Янь Цзи посмотрел на его руку, нахмурился, затем дотронулся до его плеча.

- Какое сейчас время года, а ты утром принимаешь холодный душ?

Цинь Июнь тупо кивнул.

- Мне жарко.

Янь Цзи тоже не понимал.

- Может, ты заболел?

Цинь Июнь снова кивнул:

- Возможно.

Даже Чжиян, который всегда был медлительным, заметил, что что-то не так. Точнее, и Цинь Июнь, и Нань И вели себя странно.

Цинь Июнь, который обычно прилипал к Нань И, как будто был его частью, сегодня в репетиционной комнате вел себя необычно сдержанно и соблюдал дистанцию. Он не приставал, как навязчивый пластырь, а держался на расстоянии.

В большой репетиционной комнате на десять человек один сидел на востоке, играя на MIDI-клавиатуре и сочиняя музыку, а другой - на западе, репетируя на басу с Суй-Суй и Ли Инь.

Никто ни на кого не смотрел.

Они поссорились?

Чжиян заинтересовался и во время обеда наблюдал за ними еще внимательнее, будто вооружился микроскопом.

- Брат Янь, я хочу это выпить!

- Я тоже, я тоже!

Янь Цзи разлил напитки по стаканам и раздал всем. Когда стеклянный стакан поставили между Цинь Июнем и Нань И, они оба одновременно протянули руки.

В голове Чжияна сразу зазвенел тревожный звонок.

Вот оно, вот оно.

Он широко раскрыл глаза и внимательно наблюдал, и действительно увидел, как руки и предплечья Цинь Июня и Нань И коснулись друг друга, но меньше чем на секунду, и они сразу же разъединились, даже не взглянув друг на друга.

Тот стакан с напитком больше никто не трогал.

Что происходит? Чжиян сам протянул руку, взял стакан и выпил его до дна.

На этих двоих будто были невидимые иголки? Стоит только коснуться - и они разъединяются.

Невероятно.

Во время дневной репетиции, когда Янь Цзи вышел один за водой, Чжиян быстро последовал за ним и, воспользовавшись моментом, спросил у самого опытного старшего в группе:

- Янь Цзи, как ты думаешь, они поссорились?

Янь Цзи посмотрел на него с улыбкой:

- Поссорились? Не слышал.

- Тогда почему они сегодня такие странные, будто в ссоре? - Чжиян сказал это и сам почувствовал, что что-то не так. - Но Сяо И с детства никогда не ссорился со мной. Даже если я делал что-то, что его расстраивало, он не держал это в себе, а сразу говорил мне, я быстро извинялся, и все было в порядке.

Стоя перед автоматом с напитками, Янь Цзи задумался на мгновение.

- Я тоже не думаю, что это ссора.

- Тогда что это? - Чжиян подошел ближе, ожидая ответа.

Свет из автомата освещал его волосы и профиль, делая их мягкими и блестящими.

С грохотом бутылка с водой упала вниз, но Янь Цзи не наклонился, чтобы взять ее, а вместо этого посмотрел на Чжияна, от его глаз к губам, пока тот ждал ответа.

Затем он улыбнулся и протянул руку, широкой ладонью, которая обычно играла на гитаре, закрыл лицо Чжияна.

- Не скажу.

- Ну как так?

Янь Цзи наклонился, чтобы взять бутылки с водой, положил несколько в руки Чжияна и, улыбаясь, повторил его интонацию:

- Вот такой я есть.

Чжиян, не получив ответа, чувствовал себя ужасно.

В группе из четырех человек трое чувствовали себя плохо, что было удивительно высокой пропорцией.

Конечно, самым несчастным был Цинь Июнь, потому что он страдал и внутри, и снаружи. Не только потому, что не мог понять свои чувства, но и из-за внешних факторов.

Например, когда они вернулись в общежитие после целого дня репетиций, и остались только он и Нань И. Он вдруг почувствовал на Нань И новый аромат, сладкий, как личи, или какой-то белый цветок.

Он не знал, был ли это аромат Суй-Суй, Ли Инь или кого-то еще из музыкантов, но точно не Нань И.

Незнакомый запах постоянно напоминал Цинь Июнью - Нань И провел весь день с другими, близко и тесно репетируя.

Репетиции, репетиции, даже руки дрожат, но он не останавливается.

Почему сегодня он не капал капли для глаз? Глаза ведь все еще болят, весь день ему было плохо.

Если он не капал, почему глаза влажные? Может, он тайком закапал их в ванной?

На грани срыва, в дверь постучали.

- Июнь?

Услышав свое имя, Цинь Июнь, сидевший на кровати со скрещенными ногами, резко очнулся и вдруг понял, что разорвал кучу салфеток в клочья.

Он быстро накрыл клочки бумаги подушкой и поднял голову, чтобы посмотреть на Сюй Янь, стоящую в дверях.

- Что случилось? - Он попытался выглядеть спокойным и выдавил улыбку.

Сюй Янь тоже улыбнулась, держась за дверной косяк и выглядывая только головой:

- Демо, о котором я тебе говорила днем, я отправила тебе на почту. Не забудь проверить.

Ах да, он вспомнил, что днем, когда они сочиняли музыку, Сюй Янь сыграла небольшой отрывок, и ему понравилось, он спросил, есть ли у нее более полная версия.

- Хорошо. Сначала скачаю.

С работой Цинь Июнь временно отложил все эти непонятные мысли в сторону. Пока Нань И ушел к Чжияну, он один открыл компьютер, проверил почту и увидел демо от Сюй Янь. Это был исходный файл музыки без сжатия, и загрузка шла медленно.

Он всегда был нетерпелив ко всему медленному, поэтому решил занять себя чем-то другим.

Он начал проверять все непрочитанные письма, убирая красные точки, пока не наткнулся на одно из писем годичной давности.

Посмотрев на имя, он увидел, что это от одноклассника из старшей школы.

В то время он уже давно отгородился от внешнего мира, не отвечал в WeChat, а в почте было полно ненужных писем, которые он даже не открывал. Но сейчас ему стало интересно, почему вдруг одноклассник, с которым он давно не общался, решил написать ему?

Открыв письмо, он увидел, что текст был коротким, и к нему было прикреплено вложение.

[Июнь, давно не виделись, как дела?

На днях я разобрал вещи дома и нашел старую карту памяти, на которой были наши выпускные фотографии. Помнишь, я тогда принес новую камеру, Чжоу Хуай и другие даже брали ее пофоткать. Снимков было так много, что потом, в суете, я даже не успел их все посмотреть. Сегодня, когда я наконец нашел время, я начал листать их и вдруг нашел одну странную фотографию. Не знаю, кто ее сделал, но она была снята у озера Цзинху, на ней был крупный план Чжоу Хуая, но в кадре также был чей-то силуэт...]

Вложение загрузилось первым, и Цинь Июнь открыл эту «странную» фотографию. Первым, что бросилось в глаза, был профиль Чжоу Хуая, который, увидев что-то, улыбался, как дурак.

Цинь Июнь замер.

Он вдруг заметил, что за спиной Чжоу Хуая, в самом углу кадра, действительно был маленький силуэт, случайно попавший в кадр.

[Это ведь твоя школьная форма, верно? На спине гитара, которую ты сам нарисовал! Но я точно помню, что ты тогда был занят подписанием контракта и вообще не приходил!

Как ты думаешь, чей это силуэт?]

<http://bllate.org/book/14694/1313173>